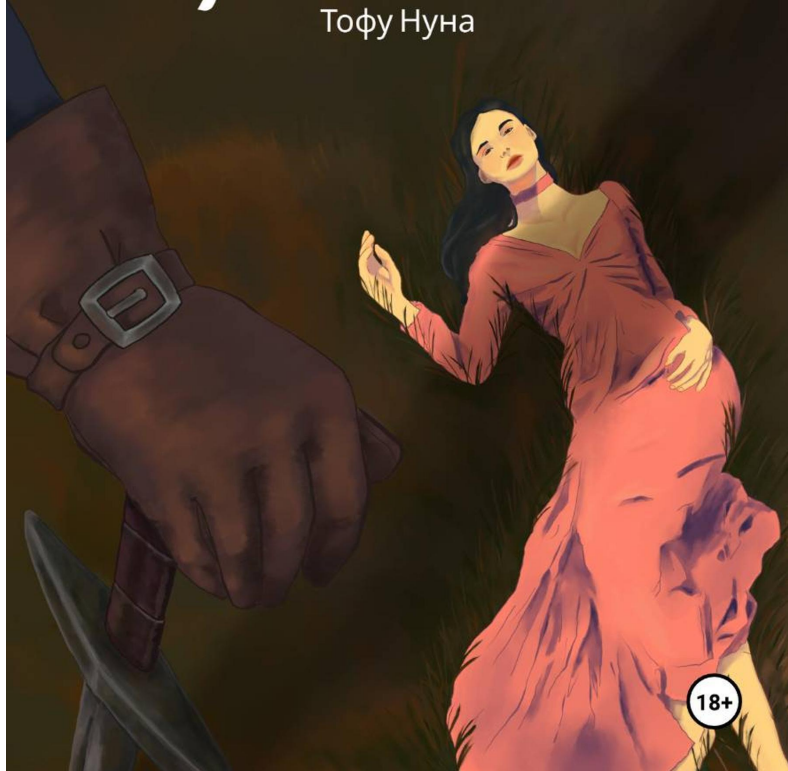


Таша — злодейка гаремника

Тофу Нуна



18+

Тофу Нуна

Паша — злодейка гаремника

<https://litres.ru/74052949>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — Паша, и моя жизнь перевернулась после страшной аварии. Очнувшись, я обнаружил, что оказался внутри фэнтезийной игры, воссоздающей атмосферу Европы бородатых веков — с замками, рыцарскими турнирами, придворными интригами, но без магии и драконов. Поначалу это казалось невероятным сном, но реальность быстро дала понять: всё по-настоящему.

Благо, у меня есть преимущество: я не просто знаком с этой игрой — я её прошёл несколько раз до аварии. Первое прохождения: я граф, главный герой игры и следую основной сюжетной ветке, которая связывала меня и принцессу любовью. И тут игра «награждает» меня вторым прохождением — теперь я должен примерить роль злодейки, сестры принцессы. И мне нужно сделать так, чтобы граф ни за что не сошёлся с принцессой. Иначе я проиграю!

Эта героиня раздражает меня до зубного скрежета. Но выбора нет: чтобы вырваться из комы, мне предстоит пройти игру за неё и остаться в живых. Впереди — придворные интриги, опасные союзники и тайны, которые могут изменить всё.

Содержание

Глава 1. Обстоятельства	4
Глава 2. Где Паша?	11
Глава 3. Побег	17
Глава 4. Граф	33
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Тофу Нуна

Паша — злодейка гаремника

Глава 1. Обстоятельства

Гаремник (или «гарем») — жанр аниме, манги, визуальных новелл и видеоигр, где главный герой (чаще мужчина) окружен несколькими женщинами, которые проявляют к нему романтический или эмоциональный интерес.

Я — Паша, парень из Ростова. И сейчас я нахожусь в совершенно безумной ситуации, о которой даже страшно рассказывать. Всё началось с аварии — я попал в жуткое ДТП с грузовиком. После этого — тьма, кома... И вот, представьте, я вдруг получаю уведомление, прямо перед глазами окошко, как в операционной системе Виндовс, но без компьютера. Нет, не от врачей и не от родных. А от... кого-то. Незвестных существ.

Суть в том, что мне нужно пройти игру-гаремник для парней — и не один раз, а целых два, — чтобы выйти из комы. Звучит как бред, правда? Но это происходит со мной. Я не знаю, кто эти существа, что меня сюда поместили. Но у меня есть предположение: это инопланетяне. Более развитая ци-

вилизация, которая проводит свои отвратительные эксперименты над людьми. Они изучают нас, смотрят, как мы себя ведём в нестандартных условиях, пытаются понять, что мы из себя представляем.

Спасибо, что не анальное зондирование, как говорится... Но всё же — почему я? Почему именно русский парень из Ростова должен проходить гаремник, созданный китайской компанией и повествующий о Европе средних веков? Как это вообще связано со мной? Зачем? Я задаю эти вопросы, но никто не отвечает.

С другой стороны, мне немного повезло: я уже имел опыт с играми. Эту конкретную игру я даже прошёл до того, как слёг. Было скучно, а игру подарили моему младшему брату. Я тогда подумал: «Почему бы и нет?» Игры-новеллы, конечно, кажутся скучными — ну, знаете, много текста, мало экшена. Но для брата это была отличная мотивация больше читать: гаремник с дамами, романтическими сюжетными линиями — всё это подстёгивало его продираться через тернии графоманства авторов.

И вот теперь я сам оказался внутри этой игры. Играю за графа. Северного графа. И тут меня осенило: наверное, именно поэтому инопланетяне выбрали на эту роль русского человека — суровый, вырубленный из льда, злобный дядька, который живёт среди снегов, держит медведя и играет на балалайке. Да, это стереотип, но, видимо, даже инопланетяне

ему подвержены.

Сейчас я пытаюсь осмыслить всё это. С одной стороны, ситуация абсурдная до невозможности. С другой — если это единственный способ выйти из комы, то придётся играть. Играть по их правилам. Но сколько ещё загадок и неожиданностей ждёт меня в этом виртуальном мире? И главное — смогу ли я действительно проснуться после прохождения игры? Эти вопросы не дают мне покоя...

Моё первое прохождение этой безумной игры-гаремника постепенно подходит к концу. Сейчас, оглядываясь назад, я до сих пор не могу поверить, что всё это происходит со мной — будто я застрял в странном сне, из которого нет выхода, кроме как следовать абсурдным правилам.

Моя главная задача была предельно чёткой: завоевать расположение принцессы, добиться её руки. Активными действиями как глава феодального отряда, который собрал и вёл свой знаменитый отряд, состоящий из рыцарей и оруженосцев, я должен был совершать военные подвиги. Положив конец войне, которая разгорается по ходу сюжета игры, я автоматически завоевывал руку принцессы. Звучит как классический рыцарский роман, правда? Только вот в реальности я не благородный герой из средневековой баллады, а обычный студент мед ВУЗа, подрабатывающий курьером.

Что поражает больше всего — ощущение времени. В реальном мире, наверное, прошли считанные дни или недели, а здесь, в игре, я прожил почти два с лишним года. Два года

и несколько месяцев — представьте только! Каждый день, каждый диалог, каждое решение словно вытаскивались с мучительной неторопливостью. Я наблюдал, как меняются сезоны, как развиваются отношения с персонажами, как медленно, но неуклонно приближается кульминация сюжета.

Иногда мне казалось, что это никогда не закончится. Что я навсегда останусь в этом цифровом мире. Я учился быть дипломатом, тактиком, романтиком — всем сразу. Приходилось взвешивать каждое предложение, выбирать правильные ответы в диалогах, искать подходы к принцессе, не теряя лица перед придворными и союзниками.

И вот сейчас, когда финал уже виднеется на горизонте, я задаюсь вопросом: что будет дальше? Выполню ли я условие инопланетных экспериментаторов? Смогу ли я наконец-то проснуться в реальном мире? Или это только начало — и впереди меня ждёт второе прохождение, ещё более сложное и запутанное?

А главное — что, если даже после завершения игры я не смогу вернуться? Что, если этот виртуальный мир станет моей новой реальностью? Эти мысли пугают, но я стараюсь гнать их прочь. Сейчас важно сосредоточиться на последнем рывке — довести начатое до конца. Ведь от этого зависит не просто победа в игре, а, возможно, моя реальная жизнь.

Итак, вот она — финальная сцена. Мы стоим перед алтарём. Всё готово: обряд, торжественная музыка, взгляды придворных, устремлённые на нас. Сейчас должен прозвучать

заветный вопрос, мы обменяемся клятвами, закрепим брак поцелуем — и... должны появиться титры. Конец прохождения.

Но вместо этого — тьма. Абсолютная, непроглядная темнота. Сердце замирает. «Я не умер? Неужели всё закончилось? Или... что-то пошло не так?»

И тут — вспышка. Второе уведомление, светящееся в этой безмолвной черноте: «Поздравляем! Вы завершили своё первое прохождение. В качестве бонуса сделаем ваше второе прохождение проще. Внимание: выбирать тот же любовный интерес для графа становится невозможным — вы автоматически проиграете. Вы получаете возможность перечитать своё первое прохождение во время второго прохождения. Желаем вам удачи в следующей игре!»

Фух... Я всё ещё здесь. Всё ещё существую. Но вокруг по-прежнему темно. Наверное, идёт загрузка нового мира. Мозг лихорадочно работает: «Мне вживили чип? Как я могу осознать, что нахожусь в коме, если всё ощущается настолько реальным? Боль, голод, холод во время войны — всё это было по-настоящему. Или это просто иллюзия? Может, я уже мёртв, а это мой персональный ад? Но тогда почему игра кажется такой... простой? Не похоже на наказание. Скорее на странный эксперимент».

Ладно. Раз уж выбора нет — придётся идти дальше. Во второй раз я смогу выбрать ту, к кому действительно тянет, а не каноническую принцессу. Хотя, надо признать, все де-

вушки в этой игре — на загляденье. Правда, есть и откровенно неприятные фоновые персонажи. Видимо, чтобы главные героини выглядели ещё ярче на контрасте.

Больше всего проблем в первом прохождении доставляла эта... овца Елена. Её детские выходки, глупые уловки — всё это выводило из себя. «Как можно было создать настолько раздражающего персонажа? Автор, снимаю шляпу. Похлопал бы, если бы мог двигаться». Может, во второй раз попытаться её устранить? Например, натравить на неё мою новую избранницу во время штурма замка. Пусть она разберётся, а я останусь в стороне. «Горячая бунтарка — одна из любовных интересов графа... Почему меня это возбуждает? Надо будет потом к психологу сходить. Со мной точно что-то не так. Но с помощью неё можно устранить Елену».

Впрочем, если я сосредоточусь на романтической линии с бунтаркой, Елена, возможно, появится лишь пару раз — в сценах, связанных с принцессой, она ведь её сестра и всё.

И вот — свет. Я просыпаюсь. Всё начинается так же, как и в прошлый раз, но... что-то не так. Оглядываюсь: убранство вокруг изменилось. Смотрю на свои руки — они тонкие, маленькие. А грудь... «Что за?!» Бросаюсь к зеркалу.

«Я... я теперь женщина?!»

Переродился за сестру принцессы? За дочь короля и проститутки из борделя? За эту самую Елену, чёрт возьми?!

«Это же игра-гаремник для пубертатных подростков! Почему я теперь женщина?!»

И ситуация становится ещё хуже: её, то есть меня же выдают замуж за местного князька — старого, дряхлого, но всё ещё грезящего о наследниках. «Я не дам даже притронуться ко мне этому старому хрычу!»

Король хочет, чтобы Елена унаследовала земли того князя, а затем он сам приберёт их к рукам. Вот почему Елена так отчаянно пыталась отбить меня (тогда ещё герцога) у сестры — она хотела избежать брака со стариком. Но она не главная героиня игры, её шансы на счастливый финал — отрицательные.

«Стоп! Перезапустить! Я хочу другого персонажа! Хочу снова быть герцогом! Верните всё обратно!»

Но, конечно, никто не отвечает. Игра идёт своим чередом, а я остаюсь в этом новом, совершенно неожиданном теле, с новыми правилами и новыми вызовами. Что ждёт меня дальше? И смогу ли я когда-нибудь вернуться к себе настоящему?

Глава 2. Где Паша?

«В связи с успешным прохождением первой игры мне упростили условия второй. Задача: дожить до конца сюжета. Если всё сложится удачно, я очнусь от комы в своём мире», — повторил он про себя. Слова, словно отлитые из холодного свинца, врезались в сознание, давя на виски.

«Что-то пока нифига не проще выглядит. Дожить до конца сюжета?..» — мысль застряла в голове, как заевшая пластинка. Паша замер, пытаясь уловить отголоски событий прошлого прохождения, но память хранила лишь обрывки.

«Елена что, погибла? — внезапно пронзила его догадка. — Я даже не знал об этом...»

В груди кольнуло злорадство.

«Да я бы, наверное, обрадовался, узнав о её гибели, — мелькнуло в голове. — Она же овца...»

Но тут же пришло странное чувство пустоты. Словно в этой фразе не хватало чего-то важного, будто он обманул сам себя. Паша глубоко и продолжительно вздохнул.

«Что же делать? — глухо звучал внутренний диалог. — Я не знаю ни как она погибла, ни когда. Ни единого намёка на точку её сюжета. А теперь и моего сюжета».

Он пытался собрать разрозненные воспоминания, выстроить их в цепочку.

«Так сначала: герцог просыпается в карете, едет на смот-

рины Елены. А также пригласить себе в отряд несколько рыцарей с турнира, который состоится на этой же неделе. Встречается с двумя возможными любовными интересами игры: принцессой Викторией и девушкой-рыцарем Амадис там... — мысли Паши текли осторожно, словно боясь спугнуть ускользающие образы. — Хотя... сюжет начинается раньше. Гораздо раньше, но подавался текстом. Все пропускают эти долгие ненужные полотна текста ни о чём! Я уже и не помню, что там было до первого почти 3-годовалого прохождения! ».

Паша схватился обеими руками за голову и начал напряжённо думать. Память начала оживать, подбрасывая фрагменты прошлого.

«Они дружили с детства: Елена, наследная принцесса Виктория (сестра Елены) и граф (главный герой игры), — мысленно продолжил Паша. — Играли вместе в прятки, строили шалаши... Потом переписывались. Короткие письма, тайные послания. Хитрец переписывался с обеими. Но в основном сюжете он выбрал принцессу Викторию — власть, положение... Хотя вроде бы в любви клялся и Елене. Что же случилось?»

«Точно! — вдруг осенило его. — Он встречает её впервые взрослую на просёлочной дороге. Она пыталась сбежать от своего жениха-старикана до смотрин... Глупая, — подумал он с привычной насмешкой, но на этот раз горькой. — Сказала, что на неё напали разбойники. Я, то есть граф, отвёз её

обратно в своей карете. Как её вообще из замка выпустили одну? Царёк поблагодарил, даже наградил неплохо...»

Паша замер, пытаясь поймать ускользающую мысль. В этих событиях, возможно, скрывалась разгадка. Между детской дружбой, выбором одной из принцесс и встречей на дороге таилась точка невозврата — момент, когда судьба Елены повернула к гибели. Ведь граф почему-то выбрал принцессу Викторию, а теперь им нельзя быть вместе, иначе Паша проиграет. И с Еленой графу тоже нельзя быть, ведь теперь Елена — это Паша. Остаётся девушка-рыцарь Амадис. Рискованно. Но лёгких вариантов, помимо принцессы, и не было в этой игре. Паша подошел к окну и взглянул в щель между шторами. Светало.

«Где? — вопрос повис в тишине его сознания, тяжёлый и неотвратимый. — Где в этой истории она погибла? И главное — почему?»

В предрассветной дымке старый замок казался миражом. Призрачная крепость, сотканная из тумана и первых солнечных лучей, высилась на холме, застыв на границе сна и яви. Зубчатые стены напоминали изломанную линию электросетей на рассвете — резкие, геометрические, почти промышленные в своей чёткости.

«Эх, сейчас бы домой», — подумал Паша. Ростов-на-Дону — родной город Паши, где модерн и до модерн не договорились: небоскрёбы отражаются в окнах старых ветхих деревянных развалюх. Пыль там — уже фирменный знак: она

оседает на новеньких кондиционерах и старых чугунных решётках. Власти обещают преобразование — проекты лежат в папках, также стабильно, как грязь и лужи на тротуарах. Купеческие особняки с гордой лепниной смотрят на парковки с десятком машин. Набережная манит видами, но кое-где бордюры напоминают о том, что бюджет — штука капризная. Строят быстро, ремонтируют медленно, и только пыль летит одинаково хорошо и на бизнес-центр, и на арку XIX века. Вывески множатся, как грибы после дождя, — без плана, зато с душой. Ростов живёт по принципу «и так сойдёт», но в этом есть своя удручающая харизма. Он местами запущенный, но такой родной — как друг с топовым телефоном на старой ласточке.

Камень на стенах этого же города был тёмным и холодным, но уже начинал блестеть золотистыми искрами там, где касался свет. Рыцарский Холм — в целом подходящее название такому городу, ведь центральный замок города как раз располагался на холме. Узкие бойницы напоминали современные камеры наблюдения. В них не мерцали огоньки, не мелькали силуэты. Лишь флаг на главной башне слегка шелохнулся от утреннего ветра. Паша вздохнул. Столько лет уже провел в этой игре.

Город у подножия замка выглядел вымершим. Узкие, извилистые улочки напоминали запутанные коридоры старой фабрики или лабиринты подземных переходов мегаполиса. Они спускались к замку, как линии к центральной кольце-

вой на карте метро Москвы. Паша как-то ездил в столицу с друзьями, посмотреть и сфотографироваться на Красной Площади. И сейчас почему-то вспомнилась эта поездка. Его друзья, которых он так давно не видел. Паша задумался, кто бы мог приходить к нему из друзей, навещать его в больнице.

Утренний туман цеплялся за углы домов, скрывая булыжники мостовой. Он то сгущался, пряча ближайшие здания, то рассеивался, открывая вид на дорогу к замку. Реальность колебалась, не решаясь раскрыть свои тайны новому дню. В предрассветной дымке старый замок казался миражом. Призрачная крепость, очерченная туманом и первыми солнечными лучами, высилась на холме, застыв на границе сна и яви.

Вдруг Паша увидел, как из окна башни замка вылетело что-то крупное. Резко, неожиданно. Сначала мелькнула мысль: «Мешок с хламом». Старая одежда, тряпичная кукла в человеческий рост... Фигура кувыркнулась в воздухе, зацепилась за выступ стены и сорвалась вниз. Платье раздулось колоколом, ловя потоки воздуха, словно превращаясь в крылья. Руки болтались неестественно, безвольно, но с пугающей тяжестью. Он замер, не дыша, не в силах оторвать взгляд. Происходящее было слишком быстрым, чтобы осознать, и слишком медленным, чтобы убедить себя, что это кукла. Глухие, короткие стуки о выступы доносились даже сюда, отдаваясь внутри неприятным эхом. Тело дёргалось, меняло форму. Почти на середине падения фигура завис-

ла в воздухе — нелепая поза: одна рука вытянута вперёд, другая свисает, ноги перекручены. Затем падение продолжилось. Ещё удар о стену, ещё рывок, ещё потеря равновесия. Ткань то скрывала очертания, то обнажала: тёмные волосы, край белой рубашки. Финальное приземление было глухим с такого расстояния, окончательным. Но его уже не было видно за постройками замка. Люди из ниоткуда начали стягиваться к месту происшествия.

Паша моргнул, пытаясь прогнать наваждение. Мысли путались: «Это просто кукла. Кто бы выбросил её с такой высоты? Почему она так тяжело падала? Почему так странно изгибалась? Почему я до сих пор вижу это перед глазами?»

Разум цеплялся за спасительную версию — «тряпичная кукла». Но что-то внутри холодело: так не падают вещи. Ни одна кукла не будет так тяжело ударяться о стену, так неестественно сгибаться и падать с такой окончательной, жуткой неподвижностью. Осознание приходило медленно, кусками, как будто мозг сопротивлялся, не желая принимать увиденное.

Раздался голос из-за двери: «Банный день, девчонки, бегом, пока не начали приходиться клиенты!»

Глава 3. Побег

Паша, оказавшись в теле Елены, наконец-то осмотрелся. За тяжёлой резной дверью из красного дерева с позолотой скрывалась эта просторная, но тихая гавань. Полумрак, разбавленный мягким светом бронзовых настенных бра с матовыми стеклянными абажурами, создавал уютную атмосферу. Высокие окна были занавешены тяжёлыми бархатными портьерами цвета спелой сливы с золотой вышивкой. Они закрывали комнату от уличного шума и яркого дневного света. В воздухе витал тонкий аромат жасмина, сандала и лаванды: благовония тлели в небольшой фарфоровой курильнице на резном столике.

Вдоль стен стояли мягкие кушетки, обитые голубым шёлком, с россыпью декоративных подушек: парчовых, бархатных, вышитых серебряными нитями. Каждая кушетка была рассчитана на одного человека, создавая личное пространство для отдыха. Паша задумался: «Зачем в комнате Елены столько спальных мест, как в казарме?»

У окна располагался большой диван с высокой резной спинкой, обитый кремовым вельветом. На нём лежал лёгкий кашемировый плед с кистями, небрежно брошенный кем-то. Рядом стоял небольшой круглый столик из карельской берёзы с инкрустацией, на котором находился серебряный поднос с тонкими фарфоровыми чашками, графин с охлаждён-

ным мятным чаем и ваза с фруктами: виноградом, персиками и дольками дыни.

В углу стоял туалетный столик с большим зеркалом в позолоченной раме. На нём располагались флаконы духов с хрустальными пробками, пудреницы, гребни из черепахового панциря и коробочки с румянами и белилами. Рядом стоял пуф с бархатной обивкой, на котором сидела девушка. Паше показалось, что она чем-то стирает с себя макияж. Её движения были плавными и отточенными.

Затем Паша заметил, что одна из кушеток рядом была занята девушкой, она дремала, укрывшись пледом. Её причёска слегка растрепалась, но даже спящая она выглядела изысканно. Ещё одна девушка на кушетке у выхода читала иллюстрированный журнал мод, время от времени попивая чай и переговариваясь с подругами. «Журналы стоят дорого в этом мире, всей общагой скидывались?» — у Паши возникал один вопрос за другим, по мере того, как он знакомился с этим местом.

Несколько девушек играли в карты и читали романы на кроватях. Девушка у зеркала, справившись с макияжем, пересела за рояль и начала напевать, аккомпанируя себе. Полусонные девушки начали просыпаться.

Паша осознал, что не один в комнате, что это далеко не комната Елены, ведь замок за окном, а значит он снаружи замка. Паша на мгновение запаниковал. Но быстро взял себя в руки и направился к зеркалу, за которым недавно сидела

другая девушка.

И вот Елена теперь стояла перед зеркалом в золотой раме, слегка повернувшись. Он поднял взгляд на своё отражение и застыл. Её курносый нос с едва заметными веснушками выглядел детским на фоне этого наряда и сложной причёски. Но самое странное — её глаза. Паша знал, что глаза у Елены карие, но в зеркале они казались красными. Не алыми или кровавыми, а красноватыми как тлеющая ярость. Только огонь, как будто душа пыталась вырваться наружу.

Паша коснулся края зеркала, проверяя его реальность. Пальцы скользнули по прохладной поверхности, но отражение не изменилось. Чёрные волосы, яркие губы, тяжёлый бархат платья, блеск украшений и красные глаза — всё осталось прежним. Это лицо стало теперь его, но взгляд пока что оставался чужим.

В комнате пахло благовониями, вдалеке слышался женский шёпот и мелодичные звуки рояля. Но здесь он стоял один на один с Еленой. Только её взгляд и странное ощущение, что он смотрит на кого-то другого. На ту, кем его заставили стать. Паша сжал кулаки, чувствуя боль. Это было доказательство, что всё происходит с ним. Лицо Елены, её глаза, даже если они казались красными.

«Банный день, быстро, сколько звать вас уже!» — снова раздался голос и заскрипела дверь.

Паша опустил взгляд, вздохнул, пристально посмотрел в зеркало, расправил плечи и поправил заколку. Роль — гото-

ва, «костюм — сидит», время играть. «Если я справлюсь и с этой партией, то стану свободен.» — подумал Паша, пытаюсь себя приободрить и создать настрой. Но мысль «где он сейчас находится и что вообще происходит?» не оставляла его в покое.

Паша ощутил, как сильные руки резко подхватили его под локти.

«Тоня? Ты что, спишь? — раздался над ухом грубый женский голос, хриплый и резкий, будто его обладательница только что поднялась с постели или слишком много курила. — Выходи, в баню пора. Иначе всех мужиков распугаешь своим запахом!»

За спиной раздался гогот, визгливый смех. Уже собралось несколько девушек вместе. Паша невольно сжался, не до конца понимая, где он и что происходит.

«Женская баня?» — пронеслось в голове. Мысль показалась привлекательной, он едва не усмехнулся, но тут же опомнился: это не шутка. Он вышел из тесной комнаты, мысли о произошедшем недавно за окном и новой «игровой ролью» исчезли, вытесненные необходимостью действовать здесь и сейчас.

В коридоре суетились девушки разных возрастов, с уставшими глазами и нарочито бойкими улыбками. Кто-то уже обмотал вокруг бёдер полотенце, кто-то держал его в руках. Та, что тянула Пашу за собой, вышла вперёд и швырнула в него полотенцем. Оно хлопнуло по плечу.

— Держи, из прачечной. Пошли, через три часа первые клиенты! — крикнула она, схватив Пашу за руку и потянув за собой. Он едва удержал равновесие.

Пока они спускались по скрипучей лестнице, громко переговаривались и толкались, Паша успел уловить несколько имён. Ту, что держала его за руку, звали Валентина. Голос у неё был громкий, а пальцы — жёсткие, мозолистые. Ещё была Инесса — невысокая девушка с острым носом и лукавыми глазами, и Клара — полная, медлительная, но добродушная. Похоже, это были их настоящие имена.

Девушки обсуждали недавних клиентов — кто был щедрым, кто грубым, кто засыпал прямо посреди... Паша не дослушал, его передёрнуло от резкого порыва отвращения. Со сомнения начали расти: он понимал, что это за место. Вопрос, который мучил его, звучал всё громче: *«как Елена, дочь царя, оказалась здесь? Мать её, куртизанка, давно умерла. В Елене, что гены разыграли и захотелось приключений поискать?»*

Помещение было низким, с закопчёнными стенами и деревянными скамьями. В центре дымилась большая кадка с горячей водой, от которой шёл терпкий запах трав. Волна торопливых тел, смеха и резких окриков захлестнула его. Девушки быстро скидывали одежду, смеялись, брызгались, тёрли друг другу спины мочалками. Паша стоял в стороне, одетый, с полотенцем на плече, словно статуя среди суматохи.

Густой, душистый пар окутывал баню. Он струился, клубился, обволакивая фигуры женщин. В неровном свете масляных ламп их кожа блестела, как серебряная плёнка. Капли воды сверкали, как крошечные жемчужины. Женщины двигались мелодично, словно в древнем обряде. Кто-то наклонялся к дубовой кадке, зачерпывая воду. Струйки стекали по спине, подчёркивая талию и бёдра. Другие растирали кожу мочалками. Мокрые волосы прилипали к лицам, обрамляя их тёмными прядями.

В воздухе витала чувственная атмосфера. Каждая женщина была по-своему прекрасна. Одна — с высокой грудью и тонкой талией. Другая — с плавными линиями бёдер и округлыми плечами. Третья — стройная, с длинными ногами и руками, напоминающими танец. Смех звучал хрипло, голоса то затихали, то усиливались. Кто-то откидывал мокрые пряди, кто-то подставлял шею тёплым струям пара. Капли стекали по её шее, скользили между грудей, оставляя следы на плечах. Каждая деталь ловила отблески пламени, превращаясь в живую картину.

Одна из женщин села на скамью и повернулась боком. В свете лампы чётко проступили её спина и линия позвоночника. Она потянулась за ковшом, и её рука плавно перетекла под кожей. В этом движении было столько грации, что взгляд невольно задерживался.

Другая стояла у кадки и поливала себя тёплой водой. Струи текли по её животу и бёдрам, оставляя блестящие до-

рожки. Она покачивалась в такт своим мыслям, подставив лицо пару. Её грудь вздымалась ровно, капли собирались на коже и исчезали в складках полотенца.

Кто-то тёр спину подруги мочалкой. Движения были заботливыми, почти нежными. Ладони скользили по влажной коже, оставляя розовые полосы. Смех звучал всё чаще, переплетаясь с шипением капель, плеском воды и скрипом дерева.

Пар делал фигуры размытыми, а свет — трепетным. Тени танцевали на стенах, играя с бликами на влажной коже. В этом тёплом пространстве время остановилось. Здесь были только женщины, вода, пар и первобытная красота свободного тела.

К Паше в теле Елены подошла Валентина, уже раздетая, с блестящей от пота кожей и прилипшими ко лбу волосами.

— Ну ты чего? Давай вперёд! — она хлопнула его по плечу. От этого дружеского жеста Паша вздрогнул. — Госпожа всё равно заставит работать. Не тормози, пошли, чтобы хоть пару часов свободных было.

Она развернулась и направилась к пожилой женщине, сидевшей у дальней стены и мешавшей что-то в большом чугунке.

— Зоя, что сегодня готовишь? — крикнула Валентина.

Женщины начали спорить о меню, а Паша остался стоять, глядя на пар, поднимающийся к потолку. Реальность этого мира окончательно смыкалась вокруг него — плотная, горя-

чая, безжалостная. Паша, поражённый, не мог отвести глаз от женщин вокруг. Его взгляд сначала скользил по силуэтам в клубах пара — размытым, почти фантомным, но оттого ещё более притягательным. Он моргнул, пытаясь сосредоточиться.

Он заметил детали: как капли воды стекают по смуглой коже одной девушки, подчёркивая изгиб плеча; как свет играет на светлых волосах другой, отливая золотом при свете свечей; как третья смеётся, запрокидывая голову, и на её шее пульсирует жилка. Каждая женщина казалась воплощением особой, живой красоты — неидеальной, но волнующей. В улыбке, в движении рук, в том, как они откидывали мокрые пряди, было что-то завораживающее. Паша не мог оторвать взгляд — он словно впервые увидел женскую красоту в её естественности.

Его взгляд упал на собственное тело — мокрое платье от пара, блестящее в полумраке. Он машинально отметил линии бёдер, изгиб талии, округлость плеч. Всё это было чужим, но неожиданно гармоничным. На мгновение ему показалось, что он смотрит на кого-то другого, кто мог бы вписаться в эту сцену так же естественно, как и остальные.

Паша ожидал знакомого тепла внизу живота, того самого напряжения, которое всегда возникало при виде привлекательных женщин. Он задержал взгляд на стройной фигуре у кадки, на мягкой улыбке девушки, растиравшей спину подруги. Но внутри ничего не происходило. Ни намёка на

возбуждение! Это было так неожиданно, что он растерялся, будто мир лишился важного измерения.

Он снова моргнул, встряхнул головой, снова посмотрел на женщин, пытаясь поймать тот самый отклик. Высокая брюнетка смеялась звонко и хрипловато, блондинка с веснушками на плечах улыбалась мягко, рыжая откидывала волосы резким движением. Красота была рядом, осязаемая, почти физическая, но внутри оставалась пустота. Паша невольно коснулся груди, проверяя, бьётся ли сердце. Бьётся. Но почему?

Внезапно его осенило, как удар ледяной воды. Он опустил взгляд ниже — туда, где должно было быть то, что всегда напоминало о его теле, о его желаниях. Пусто! Там ничего не было, кроме плавных линий женского тела. В груди что-то оборвалось. *У него больше нет члена?! Эта мысль врезалась в сознание с ужасающей ясностью.* Не просто «я в чужом теле» — *я больше не мужчина.* Всё, что определяло его прежде, исчезло. Он больше не мог чувствовать то, что чувствовал раньше, реагировать так, как привык. Весь его мир рухнул в одно мгновение, оставив его стоять среди пара и смеха, чужого и в то же время ставшего его реальностью.

Он резко отвернулся, уставившись на закопчённую стену, пытаясь унять дрожь в пальцах. В ушах шумело — от жара печи или от оглушительного стука сердца. Женщины смеялись, плескали водой, переговаривались, а он стоял, оглушённый этим открытием. Впервые он по-настоящему осо-

знал: *он теперь — она*. Это не просто смена одежды или имени. Это смена всего: тела, ощущений, самой сути.

Паша застыл, словно поражённый молнией. В первое мгновение он не понял, что именно увидел, — лишь ощутил внезапную пустоту там, где всегда было что-то иное. Взгляд упал на его собственное тело в отражении ближайшего ростового зеркала и остановился. Шок накрыл его ледяной волной. Мозг отказывался воспринимать происходящее: всё выглядело так же, как всегда, когда он смотрел на себя в зеркало, но чего-то не хватало. Он машинально опустил руку, нащупал пустоту и не нашёл того, что ожидал. Проверил снова и снова, но пальцы скользили по коже, цепляясь за реальность, но не находя подтверждения привычному.

Паника охватила его — острая, животная. Сердце забилось чаще, дыхание сбилось. Ладони вспотели, а по спине пробежал холод, несмотря на жар бани. Мир вокруг стал чужим и враждебным: смех женщин, плеск воды, скрип дерева — всё звучало слишком громко и резко, как будто кто-то выкрутил громкость на максимум.

Паша выскочил из бани так стремительно, что задел кадку. Она закрипела, вода хлынула на пол. Никто не успел кликнуть его, никто не побежал следом. Он вылетел в коридор, быстро поправляя полотенце и запахивая одежду — он ведь остался в бархатном платье, насквозь промокшем и липнущем к телу. Сначала он просто бежал, не разбирая дороги. Его ноги несли его прочь, а разум отключился, оставив

только один приказ: *бежать*. Мокрые волосы прилипали ко лбу, платье путалось, но он не замечал этого. Мир вокруг дрожал и расплывался, как в лихорадке.

Улочки были извилистыми, словно паук сплёл из них ловушку на склоне холма. Дома жались друг к другу, нависая над головой, хотели придавить Пашу. Их деревянные фасады как враждебные лица: окна — глаза, щели между досками — разинутые рты, готовые сожрать его. Весь город хотел, чтобы Паша остался тут навсегда. Он же сворачивал то влево, то вправо, не понимая, куда бежит, лишь бы подальше от того места, от этого гигантского монстра.

Мостовая была неровной — булыжники проваливались и выпирали, заставляя его спотыкаться. Паша едва успевал ставить ногу, чтобы не упасть. Раз он задел старуху с корзиной лука — та вскрикнула, но он уже мчался дальше, не оглядываясь. Её крик — сигнал сирены: теперь *всезнают*, куда он бежит.

Воздух был густым, насыщенным запахами: дымом, кислым вином, навозом. Где-то лаяли собаки, кричали дети, скрипели телеги. Звуки били по нервам, не давали сосредоточиться. Паша слышал их, но они сливались в один гул, в котором не было смысла, только паника. Ему чудилось, что за каждым углом уже ждут: кто-то с вытянутым пальцем, кто-то с насмешкой, кто-то с осуждением.

Он выбежал на более широкую улицу с лавками и открытыми ставнями. Ткани свисали с карнизов, колбасы висели

под навесами. Торговцы зазывали покупателей, но он мчался мимо, не видя их лиц. Перед глазами стояло только одно: отражение в зеркале бани, чужое тело, пустота там, где должен был быть *половой орган*.

«Гори всё синим пламенем», — билось в голове. Злая, отчаянная мысль хоть как-то удерживала его. «Хрена с два я останусь в публичном доме, ещё и без члена! Я убегу. Спрячусь в пещере. За городом. Пока всё не закончится! Никто не увидит меня таким».

Он свернул в переулок — тот оказался тупиком. Забор, заваленный гнилыми ящиками, преградил путь. Паша выругался сквозь зубы, развернулся и бросился назад. Сердце колотилось в висках, дыхание сбилось, в боку кололо, но он не мог остановиться. Остановиться — значит признать: это правда. Пока он бежит, есть шанс, что это исчезнет, как кошмар.

Рассвет набирал силу. Бледно-розовые лучи пробивались между крышами, вытягивая длинные тени. Эти тени пугали Пашу. Они скользили по мостовой, меняя форму, напоминая фигуры людей. Он бежал, а они тянулись за ним, будто живые, будто хотели остановить, вернуть назад. Улицы становились всё уже, дома — ниже. Запах мёртвой реки смешался с вонью сточных канав. Паша чувствовал, как пот стекает по спине, платье липнет к коже, но он не останавливался. Ноги гудели, лёгкие горели, но страх гнал его вперёд. Наконец город начал редеть. Дома расступились, появились

огороды с чахлой капустой, сараи, загоны для свиней. Воздух стал свежее, пах хвоей и влажной землёй. Паша почти летел, спотыкаясь о корни деревьев, скользя на глине.

И вот — выход. Последние дома остались позади. Перед ним раскинулось поле, поросшее вереском и полынью, а дальше — тёмный лес, зубчатый, как стена крепости. Вдалеке, на фоне рассветного неба цвета крови и перламутра, виднелись скалы. Возможно, там были пещеры.

Паша остановился, тяжело дыша. Он стоял на краю города, его узкие улицы темнели позади, а впереди — дикая земля. Грудь вздымалась, руки дрожали, волосы прилипали к мокрому лбу. Он обернулся — город дымил, шумел, жил своей жизнью, не замечая одного потерянного человека на окраине. Тени за спиной, оставшиеся в городе, больше не тянулись.

«Никто не найдёт, — подумал он, глубоко дыша. — Никто не увидит. Фуууууух».

Он наконец-то отдышался и сделал шаг вперёд, прочь от города, к лесу. Ветер растрепал волосы, остудил лицо. Где-то каркнула ворона. Паша поднял голову к небу, вдохнул — и побежал дальше, к скалам. К пещерам. Туда, где его никто не найдёт.

Солнце стремительно набирало высоту, стирая следы утренней тревоги. Мысли Паши как будто старались обогнать его самого. Во вселенной этой игры, где теперь живёт Паша, день и ночь работали так же, как и в реальном мире:

24 часа, 7 дней недели, 30 и 31 дней в месяце и 12 месяцев в году. Иначе были устроены реки. Значительная часть рек была «мёртвой». Туда отправляли трупы умерших. Местные считали, что река забирает душу из мёртвых и тело растворяется в ней, когда душа полностью вернулась в поток времени. А взамен приходил хороший улов рыбакам. В целом это было недалеко от правды. Рыбки, скорее всего, приходили поесть трупы людей. Поэтому улов и становился лучше. В земле здесь никого не хоронили. Потому что если закапывать трупы любых живых существ, то так ты приманивал «демонов ночи» к себе. И можешь и сам потом сгинуть. Паше считал это такими же дикими суевериями. Ещё в этом мире было несколько необычных рек и фэнтезийных механизмов. Но всё это казалось Паше бесконечно бесполезным, ведь ничего из этого не могло вернуть ему его тело!

Паша остановился у дерева, чтобы передохнуть и засмотрелся на косые золотистые лучи солнца, пробивающиеся между листьями деревьев вдоль дороги. В них кружились пылинки, искрящиеся, как драгоценные камни. Рядом, на крыше дома крестьян запел петух, и этот звук показался Паше знаком чего-то правильного и неизменного. Уклад был, как и в реальном мире. Бедные много работали, чтобы прожить, а богатые много тратили, чтобы воевать и иметь больше бедных в подчинении. Паша почему-то ухмыльнулся и остановился. Он задумался, возможен ли иной уклад и, если бы он стал королём, а не принцессой, смог бы что-то изме-

нить. Хватило бы ему духу хотя бы попытаться что-то изменить?

Он перевёл взгляд на поле перед собой. Вереск и полынь серебрились в утреннем свете, а трава блестела, как усыпанная алмазами. Тени от кустов и камней на земле уже не казались страшными — они просто были частью просыпающегося мира. Вдалеке, на фоне светлеющего неба, вырисовывались скалистые выходы, возможно, с пещерами. Скалы казались чёрными, но верхние гребни уже ловили солнечный свет, горя, как угли в очаге. Этот мир — простор, тишина, свобода — был совсем не похож на город с его тесными улочками и мнимыми угрозами.

Ветер усилился, растрепав волосы и остудив лицо. Паша глубоко вдохнул прохладный, свежий воздух. Он провёл рукой по лицу, стирая капли пота и последние остатки паники.

«Никто не идёт за мной. Надо всё обдумать и решить, что делать дальше», — подумал он отчётливо, впервые за долгое время слыша собственные мысли ясно, без эха. Страх отступал, сменяясь усталостью и непривычной ясностью. Мир больше не казался враждебным. Рассвет преображал его, показывая другим — не пугающим, а настоящим.

Паша посмотрел на своё платье — мокрое, мятое, порванное о углы домов. Теперь оно казалось просто одеждой, пережившей эту безумную гонку. Он провёл ладонью по ткани, пытаясь исправить то, что уже не исправить.

Где-то каркнула ворона. Этот звук больше не заставил его

вздоргнуть. Паша поднял голову к алому небу, глубоко вдохнул. Он решил, что стоит продолжить путь, может, в небольшом городке ему удастся найти работу и начать какой-то свой бизнес, ведь со знаниями из настоящего мира его определённо ждёт успех. А граф как-нибудь и без него разберётся со своими любовными интересами. Паша пошёл медленнее, но увереннее. Вдоль дороги, к ближайшему городку, ведь дороги всегда ведут от одного поселения к другому. По пути он сможет всё тщательно обдумать, чем и занялся, полностью погрузившись в себя.

— Эй, красавица, — хрипло окликнул мужской голос Пашу, — куда путь держишь? Одна, и так далеко от города?

Глава 4. Граф

Паша шёл уже пару часов по просёлочной дороге, постепенно успокаиваясь. Дыхание выровнялось, сердце колотилось уже не так бешено, паника отступила, оставив за собой тяжёлую усталость и странную пустоту. Он шёл не разбирая дороги, лишь изредка поднимая взгляд, чтобы не заблудиться.

Дорога вилась среди фермерских угодий, типичных для этих мест. По обеим сторонам расстились поля: где-то уже вспаханные, с тёмными бороздами, готовыми принять семена, где-то покрытые молодой зеленью озимых. Вдалеке виднелись стога сена, аккуратно сложенные и укрытые от росы. Пахло землёй, соломой и дымом — неподалёку уже виднелась деревушка.

Вдоль обочины росли дикие цветы: жёлтые лютики, белые ромашки, сиреневые колокольчики. Над ними жужжали пчёлы, перелетая с цветка на цветок. Вдалеке слышалось мычание коров и крики петухов — сельская жизнь шла своим чередом, не замечая Пашиных бед.

Он машинально заметил, как непривычно ему двигаться в новом теле: шаги стали короче, походка — плавнее. Платье, хоть и мягкое, подчёркивало изгибы, к которым он ещё не привык. Паша провёл рукой по лицу — кожа была нежная, без привычной щетины, на руках не было мозолей от

тренировок с мечом.

«Я больше не мужчина, — подумал он. — Теперь я Елена. Надо это как-то принять и иметь в виду. Надеюсь, не навсегда?!»

Эта мысль заставила остановиться. Вокруг никого не было: только ветер шевелил колосья на полях. Солнце уже высоко, согревая землю и рассеивая остатки утренней прохлады.

В голове начали всплывать вопросы. Как Елена, если она действительно принцесса, попала в то заведение? Неужели она там работала? Это казалось абсурдом. Принцесса в борделе — даже в дурном сне не увидишь. Хотя я и слышал, что Елена — дочь служанки, которая с позором была выгнана королевой, когда забеременела от короля. И поэтому пошла работать в куртизанки. Из-за позора и под влиянием королевы её просто больше никуда не брали. Выходит королева и загнобила мать Елены, а потом ребёнка ещё отобрала и сама воспитывала Елену.. Но мать Елены вроде как умерла лет через 5 после родов. А Елену сразу же, как она родилась, забрали. Но почему все там вели себя так, будто знают её? Здоровались, называли Тоней, это что её «сценический» псевдоним?.. Что вообще происходит?

Паша нахмурился, пытаясь собрать разрозненные мысли в единую картину. Может, Елена скрывалась? Бежала от чего-то или кого-то? Или её похитили и заставили там находиться? Но почему никто не искал пропавшую принцессу?

И почему она спокойно общалась с другими девушками, без страха, и те с ней говорили на равных?

Он провёл рукой по уже высохшим волосам, слегка вьющимся от влаги. В голове всплывали обрывки воспоминаний: смех девушек в бане, запах трав, скрип деревянных половиц, голос Валентины, зовущей «Тоня!». Всё это казалось слишком реальным, слишком обыденным для какой-то сложной интриги.

«Неужели она была одной из них?» — эта мысль ударила особенно больно. Не потому, что это было постыдным — Паша не был ханжой. А потому, что это означало: его прежняя жизнь, его тело, его идентичность могли исчезнуть навсегда. И ему придётся жить в новом мире, по новым правилам, будучи беглой куртизанкой.

Паша глубоко вдохнул, пытаясь успокоить внутренний хаос. Он порадовался, что в этом мире феодализм, а не рабовладительство и он никому не принадлежал. А значит, его никто не будет преследовать за побег из публичного дома. Взгляд упал на дорогу впереди — она слегка поворачивала, огибая небольшой лесок. За поворотом он заметил две фигуры.

Двое бродяг стояли у обочины, перегородив путь. Один — высокий и тощий, с включенными волосами и бородой, в рваном плаще. Второй — коренастый, с хитрыми глазами и ухмылкой, обнажающей несколько зубов. Они о чём-то переговаривались, но, заметив Пашу, замолчали и уставились

на него.

Высокий сделал шаг вперёд и преградил дорогу.

— Эй, красавица, — хрипло окликнул он, — куда путь держишь? Одна, и так далеко от города?

Коренастый хмыкнул, скрестил руки на груди и оглядел Пашу с головы до ног.

— И вид у тебя такой... будто от кого-то бежала.

Паша замер, инстинктивно отступив. Улыбки бродяг казались хищными, а взгляд коренастого — оценивающим.

— Я просто гуляю, — пробормотал он, стараясь обойти мужчин стороной, держась ближе к обочине, где росли высокие колосья ржи.

— В таком виде? — хрипло рассмеялся высокий. — Платье порвано, волосы растрёпаны... Не иначе как от кого бежала.

Коренастый схватил Пашу за руку железной хваткой. Паша дёрнулся, пытаясь вырваться, но второй бродяга тут же подскочил и перехватил вторую руку.

— Куда спешим? Поговорим немного, а потом, может, проводим, куда надо, мы тебя защитим...

Паша рванулся изо всех сил, но усталость после долгого пути и утреннего бегства давала о себе знать. Каждое усилие отзывалось дрожью в руках, сбивалось дыхание. Он попытался оттолкнуть коренастого коленом, но тот только усмехнулся и сжал запястье сильнее. Паша понимал, что если ударит кого-то из них в пах, то только разозлит сильнее, ведь от

второго всё равно не сможет вырваться.

Вдруг по дороге показалась группа людей в пыльных дорожных плащах, с котомками за плечами. Одна невысокая фигура в окружении коренастых мужчин. Паша узнал Лидию — ту самую, которая когда-то была одной из любовных интересов графа в этой игре. Её огненно-рыжие волосы были собраны в косу, на плече висела кожаная сумка, походка была тяжелая и уверенная. Лидия была яркой представительницей дикого племени, обитавшего на окраинах. Она высокая и стройная, с гордо выпрямленной спиной и уверенным взглядом. Лидия была не только красивой, но и сильной женщиной. Она умела обращаться с оружием и владела навыками выживания в суровых условиях. Её голос был низким и звучным, а речь — прямолинейной. Вокруг Лидии всегда витала атмосфера таинственности и силы. Она была одним из лидеров своего племени, дочерью шамана, и все прислушивались к её мнению. Её присутствие наполняло уверенностью и азартом, а её улыбка могла растопить даже самое холодное сердце.

Надежда вспыхнула в груди. Паша закричал:

— Помогите!

Лидия обернулась, прищурилась и не узнала девушку, зовущую на помощь. Остальные тоже остановились, с любопытством глядя на сцену.

— Помогите, — повторил Паша, дёргаясь. — Прошу вас!

Лидия подошла ближе, окинула его взглядом с головы до

ног.

— Ты — слабачка, — сказала она ровным голосом. — Мы не знакомы. Раз ума хватило тут разгуливать в таком виде, сама и разбирайся. В следующий раз будешь думать головой, если выберешься.

Её слова ранили сильнее, чем хватка бродяг. Паша замер. Он смотрел на Лидию, но она развернулась и пошла прочь. Вся троица, молча замерев, дождалась, когда те скроются из виду. И в тот момент Пашу покинула надежда. Он ведь подумывал свести графа с ней в самом начале. Лидия ведь такая бойкая и красивая. Как она могла оставить девушку в беде?

Коренастый хохотнул:

— Теперь поняла, что помощи ждать не от кого?

Паша рванулся изо всех сил, пытаясь вырваться из рук бродяг, но тут же понял: что-то не так. Мышцы обожгло тупой болью, руки дрожали не от напряжения, а от слабости. Он дёрнул левой рукой, чтобы освободиться, но высокий бродяга лишь усмехнулся и сжал запястье ещё крепче.

«Почему так тяжело?» — мелькнуло в голове. В своём настоящем теле или теле графа он одним рывком отбросил бы нападающего. Да и с двоими мог бы подраться. Скорее всего, проиграл бы в схватке с двоими, но и они бы целыми не ушли. Теперь же его усилия казались жалкими, как у ребёнка, пытающегося сдвинуть огромный валун.

Паша попробовал снова оттолкнуть коренастого коленом, но движение вышло вялым и неточным. Ноги подкашива-

лись, дыхание сбивалось, а в груди кололо. Каждый рывок отзывался дрожью во всём теле, а силы будто вытекали сквозь пальцы. Мышцы не помнили прежних тренировок, тело не отвечало былой мощью. Оно казалось лёгким, хрупким, измученным долгой дорогой и паникой. Пульс бился в висках не яростно, а часто и неровно, как у загнанного зверя.

— Да что ты дёргаешься, — хрипло рассмеялся высокий бродяга, резко дёрнув его за руку так, что плечо прострелило болью. — Успокойся, красотка, всё равно никуда не денешься.

Паша попытался отступить, упереться ногой в землю и использовать инерцию для рывка, но нога скользнула на мокрой траве у обочины. Он едва не упал, и это только ослабило его ещё больше. Руки уже почти не слушались: пальцы разжимались сами собой, мышцы горели, отказываясь работать.

«Я не могу — подумал он в ужасе. — Я правда не могу их одолеть».

Раньше он всегда мог положиться на своё тело — на силу рук, выносливость, умение драться. Теперь он ощущал себя беспомощным. Мышцы, которые должны были быть стальными, оказались мягкими и вялыми; дыхание, которое раньше выдерживало долгие забеги, теперь сбивалось после нескольких резких движений; даже хватка, которой он попытался вцепиться в рукав коренастого, вышла слабой.

Он снова дёрнулся — из последних сил, почти отчаянно. Но тело не откликнулось. Вместо мощного рывка получил-

ся жалкий толчок, от которого он чуть не потерял равновесие. Ладони вспотели, пальцы скользили, а руки дрожали так сильно, что он с трудом удерживал их поднятыми.

Коренастый бродяга рассмеялся: — Ну что, устала, красотка?

Они потащили его к лесу. Паша упирался, но каждый шаг давался всё тяжелее. Ноги заплетались, дыхание прерывалось. Он чувствовал, как силы покидали его — капля за каплей. В висках стучало, перед глазами плыли тёмные пятна.

«Я не могу» — эта мысль больше не пугала, а просто констатировала факт. Он больше не мог бороться. Он — Елена: уставшая, слабая, почти беззащитная. Это означало, что он проиграл.

Но тут, когда отчаяние уже готово было поглотить его, на дороге показалась карета.

Собрав остатки воли, Паша сделал последний рывок. Он резко вывернулся, толкнув коренастого в грудь, и вырвался. Движение вышло судорожным, но из-за неожиданности оно сработало. Бродяги не успели схватить его — он метнулся к дороге и выбежал перед каретой, раскинув руки.

Лошади заржали, захрапели, встали на дыбы. Кучер зарорал, натянув вожжи. Карета остановилась в шаге от Паши. Он тяжело дышал, ноги подкашивались, руки дрожали. Но он стоял, загораживая путь.

За спиной раздались ругательства бродяг, но теперь они не решались подойти ближе — не при свидетелях и не рядом

с богатой каретой и её пассажирами.

Паша впервые за долгое время почувствовал шанс. Он глубоко вдохнул, пытаясь успокоить сердце, выпрямился и повернулся к карете, ожидая, кто выйдет навстречу.

Колонна с этой каретой ещё недавно двигалась по пыльной трактовой дороге, позвякивая сбруей и доспехами, изредка перебрасываясь короткими фразами и окриками. Впереди, настороженно вглядываясь в изгиб дороги, ехали двое разведчиков на выносливых степных конях. Их серые стёганные гамбезоны и кожаные куртки почти сливались с пейзажем, а кольчужные капюшоны тускло поблёскивали на солнце. Короткие мечи и кинжалы у поясов, круглые щиты за спинами — всё было подобрано для скорости и манёвра, без лишней роскоши.

За ними, в самом сердце колонны, гордо выступали рыцари — восемь или десять всадников в полном вооружении. Их боевые кони, покрытые вышитыми попонами с гербом графа — серебряным оленем на синем поле, — шли широким шагом, чуть покачивая головами. Кольчуги с капюшонами и пластинчатые нагрудники ловили солнечные блики, а шлемы — бацинеты и топфхельмы — украшали яркие плюмажи. Длинные мечи, боевые топоры, копья с вымпелами и треугольные щиты с гербом составляли грозное вооружение, а поверх доспехов развевались накидки с геральдикой.

Рядом с рыцарями держались их оруженосцы — молодые, крепкие парни на крепких верховых лошадях. Одеты они

были проще: стёганные поддоспешники и кольчуги без капюшона, шлемысервельеры или барбюты. Вооружены мечами и кинжалами, небольшими щитами, а в седельных сумках везли запасные шлемы, щиты и копья своих господ.

Пешие сержанты шли рядом с конными рыцарями или ехали на вьючных лошадях — человек двенадцатьпятнадцать суровых воинов в стёганных гамбезонах и кольчужных рукавицах. Шлемычерепники прикрывали головы, а за спинами виднелись кожаные ранцы с припасами. В руках — копья, у поясов — топоры, на боку — луки в налучьях и круглые щиты. Они зорко оглядывали обочины, готовые в любой миг дать отпор неожиданной угрозе.

Неторопливо катились повозки. Тяжёлая крытая повозка с припасами и походными палатками, запряжённая четвёркой лошадей, скрипела колёсами; возчик в кожаном фартуке покрикивал на животных, поправляя вожжи. Рядом, чуть отставая, двигалась лёгкая двухколёсная телега с кухонной утварью и посудой, которую тащили два неторопливых мула. Возле повозок шли конюхи и грумы — шестьвосемь крепких парней в холщовых рубахах и кожаных куртках, в широкополых шляпах от солнца. У каждого в руке — кнут или палка, а рядом вели запасных коней рыцарей и вьючных лошадей с багажом.

Чуть впереди, рядом с главной каретой, ехал герольд — яркая фигура в камзоле с гербами и плаще с вышитыми символами рода. В руках он держал жезл с металлическим на-

вершием и вымпел, а его богато украшенная лошадь выделялась среди прочих. Следом, на смирной кобыле, двигался писец в длинной шерстяной мантии и с кожаным поясом, к которому были прикреплены чернильница и свитки. К седлу писца был привязан кожаный футляр для пергаментов. Рядом с ним — лекарь в скромной, но добротной одежде, длинном плаще и кожаном фартуке; к седлу прикреплены кожаные сумки с инструментами и снадобьями.

Камердинер на лошади держался совсем близко к господину — в ливрее с гербовыми цветами: тёмносиний кафтан с серебряной вышивкой и бархатный берет. Кухонные слуги, двое или трое, ехали на телеге с припасами — в простых льняных рубахах и фартуках, с кожаными мешками, где побрякивала кухонная утварь.

Над дорогой висела пыль, блестели металлические части доспехов и украшения на сбруе, доносилось ржание лошадей, скрип колёс и негромкие голоса слуг. Вся свита двигалась слаженно, привычно, будто не раз уже проделывала этот путь — каждый знал своё место, каждый выполнял свою роль в этом живом механизме благородного выезда.

Увидев, что перед каретой выскочила женщина, все остановились и наострились. Девушка тяжело дышала. Из-за резкой остановки сам владелец колонны решил узнать, что происходит.

Дверца кареты распахнулась, и на дорогу ступил граф Альдрик — главный герой игры, в мире которой оказался

Паша. Первое «прохождение», а вернее сказать, «проживание» в этом мире было как раз за этого графа. Взгляд Альдрика скользнул по Паше — точнее, по Елене — и вдруг изменился: в глазах мелькнуло узнавание, а затем — искреннее беспокойство.

— Елена? — голос графа прозвучал уже не холодно, а встревоженно. Он сделал шаг вперёд, внимательно вглядываясь в её лицо. — Что с вами? Что произошло? Вы такая потрёпанная.

Не дожидаясь ответа, он жестом приказал своим сопровождающим — двум крепким слугам — разобраться с бродягами. Те молча двинулись вперёд. Через несколько мгновений за спиной Пашы раздались короткие возгласы, звуки борьбы — и тишина. Слуги вернулись, вытирая руки и мечи.

Альдрик слегка поморщился, заметив следы крови на одном из слуг, но не стал делать замечаний. Он подошёл ближе к Елене, окинул её внимательным взглядом — спутанные волосы, мокрое, мятое платье, дрожащие руки, измученное лицо — и покачал головой.

— Немедленно в карету, — произнёс он уже мягче, почти заботливо, и жестом пригласил Пашу внутрь.

Паша, всё ещё не до конца веря в происходящее, неуверенно шагнул к карете. Граф слегка поддержал его под локоть — легко, но уверенно, — и помог подняться на подножку. Внутри было уютно: мягкие бархатные сиденья, подушки, тонкий аромат лаванды от саше, спрятанного где-то

в обивке.

Альдрик сел напротив, жестом отпустил слуг, и те заняли места на козлах рядом с кучером. Карета тронулась с места, плавно покачиваясь на неровностях дороги.

Граф внимательно посмотрел на Елену. Его лицо, ещё минуту назад властное и суровое, теперь выражало искреннюю озабоченность.

— Так что же произошло? — повторил он. — Как вы оказались здесь, в таком состоянии? Почему вы вышли из замка? Вас похитили?

Паша замер, не зная, что ответить. В голове крутились мысли: «Он действительно беспокоится. Он узнал её? Значит, это всё-таки дочь короля, а не бордельная работница? Но что я могу сказать? Как всё объяснить?»

Он сглотнул, пытаясь собраться с силами, и хрипло произнёс:

— Я не помню точно. Всё произошло так быстро. Я просто оказалась на улице, а потом эти люди

Альдрик нахмурился, но не стал давить. Он откинулся на спинку сиденья, задумчиво постучал пальцами по подлокотнику.

— Вы были в безопасности в замке, — сказал он. — Зачем было покидать его стены? Кто-то заставил вас? Как вы вообще смогли покинуть замок в одиночку? Или вы решили сбежать?

Его взгляд стал пронизательным, будто он пытался про-

честь правду в глазах Елены. Паша почувствовал, как краснеет — не от стыда, а от неловкости. Он не знал этой истории, не понимал правил этого мира так, как понимал их, играя за графа. Теперь он был внутри чужой жизни, в чужом теле, и ему приходилось импровизировать.

— Нет, — Паша постарался говорить ровно, хотя голос всё ещё дрожал. — Никто не заставлял. Я просто вышла прогуляться. А потом всё пошло не так.

Граф помолчал, изучая его лицо. Затем вздохнул и слегка наклонился вперёд.

— Хорошо. Сейчас главное — вы в безопасности. Мы как раз едем в ваш замок с визитом и задержимся на фестиваль и рыцарский турнир. Пока отдохните. А позже, когда будете готовы, расскажете всё подробно.

Он улыбнулся — не высокомерно, как раньше, а тепло, почти поотечески.

— Не волнуйтесь, Елена. Я позабочусь о том, чтобы с вами больше ничего не случилось.

Паша кивнул, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает. Он откинулся на мягкую спинку сиденья, закрыл глаза на мгновение. Карета ритмично покачивалась, унося его прочь от леса, от бродяг, от страха — обратно к безопасности замка.

Лавандовое саше в обивке успокаивало, но мысли в голове кружились вихрем. В глубине души Паша всё ещё остро ощущал контраст: вот он, в хрупком теле Елены, измучен-

ный и слабый, а рядом — граф Альдрик, сильный, уверенный, властный. Тот, кем Паша когда-то был в этом мире.

Граф внимательно наблюдал за второй принцессой. Его взгляд больше не был холодным и оценивающим, в нём читалась искренняя забота, смешанная с тревогой.

— Как вы себя чувствуете? — тихо спросил Альдрик. — Вы бледны. Желаете воды?

Паша кивнул, не в силах заговорить. Граф достал флягу, открутил крышку и протянул ему. Паша дрожащими руками взял флягу и сделал несколько глотков. Вода освежила и помогла собраться с мыслями.

— Спасибо, — прошептал Паша, голос звучал хрипло, но не так прерывисто.

Граф откинулся на спинку сиденья и сложил руки на коленях. Воду здесь добывали из этих необычных рек, очищали землей. Паша боялся поначалу её пить, но ещё будучи графом, понял что это безопасно.

— Расскажите всё, — мягко произнёс он. — С самого начала. Что заставило вас покинуть замок и оказаться так далеко, в таком состоянии?

Паша замер, лихорадочно соображая, что сказать. Правду он рассказать не мог, а откровенная ложь могла обернуться неприятностями.

— Мне стало душно, — начал он. — В замке было слишком много людей, шумно из-за предстоящего визита моего жениха, князя Шрица. Я решила выйти подышать свежим

воздухом. Просто прогуляться к окраине города.

Граф приподнял бровь, но не перебил.

— Но я заблудилась, — продолжил Паша. — Улицы показались незнакомыми, я свернула не туда, и слуги куда-то пропали. Я шла. А потом меня схватили. Если бы не вы.

Он опустил глаза, стараясь выглядеть уязвимо и благодарно. Это не было сложно — он действительно был благодарен графу. Граф задумчиво постучал пальцами по подлокотнику.

— Заблудились? — переспросил он.

Паша почувствовал, как внутри сжалось. Он кивнул, и граф отступил. Паша смог наконец-то успокоиться и осмотреться.

Карета графа была произведением искусства. Стены из тёмно-бордового бархата мягко пружинили на ухабах дороги. По бокам стояли два широких сиденья с высокими спинками, обитые таким же бархатом и украшенные серебряной вышивкой. Между сиденьями находился складной столик из полированного орехового дерева с резными виноградными лозами. Столик легко выдвигался и крепился на тонких латунных кронштейнах.

Над столиком в углублении стены стояла бульотка — небольшой серебряный сосуд с краником у основания и камерой для углей. Она долго поддерживала воду горячей. Рядом в кожаных держателях стояли два хрустальных стакана с серебряными основаниями, украшенными фамильным гер-

бом графа.

По бокам сидений располагались выдвижные полки для дорожных принадлежностей, а под сиденьями — отсеки для бутылок, закусок и салфеток. Окна были занавешены тяжёлыми бархатными шторами с серебряными кистями. В углах кареты висели светильники для вечерних поездок, а на полу лежал персидский ковёр с витиеватым узором.

Альдрик выдвинул столик, закрепил его на кронштейнах и открыл крышку бульотки. Внутри тлели угли, от которых исходило тепло. Он налил горячую воду в стакан, струя была ровной, а краник работал безупречно.

— Вот, — граф подул на воду, проверяя температуру, и протянул стакан Елене. — Это поможет согреться и прийти в себя.

Елена приняла стакан обеими руками. Хрусталь охладила пальцы, от воды поднимался аромат лаванды и мяты — в бульотку добавили травяной сбор. Она сделала глоток: вода была тёплой и сладкой.

Граф закрыл бульотку, задвинул столик и сел удобнее, наблюдая за Еленой.

— Лучше? — спросил он мягко.

— Да, спасибо, — ответил Паша, чувствуя, как тепло разливается по телу.

Граф улыбнулся и откинулся на спинку. Карета покачивалась, шторы колыхались, а в воздухе витал аромат трав.

В голосе графа пробежала непривычная мягкость:

— Елена, я должен поговорить о письме. О том, что отправил вам неделю назад.

Паша напрягся, но постарался сохранить спокойствие.

— О письме? — переспросил он осторожно.

— О моём отказе в вашей просьбе о браке, — граф внимательно следил за её реакцией. — Я написал, что намерен сделать предложение вашей сестре... но только после того, как вы выйдете замуж за князя. Я хотел, чтобы ваше счастье было полным.

Он сделал паузу, затем продолжил:

— Признаюсь, я волновался, как вы воспримете отказ. Поэтому приехал раньше — чтобы лично уладить разногласия, если они есть. Я не хотел недопонимания.

Паша обдумывал услышанное. Письмо, отказ, сестра, князь? В голове не складывалось ни одной детали, но он понимал: нужно вести себя так, будто всё известно.

— Вы очень добры, граф, — произнёс он ровно. — Я понимаю ваши мотивы и принимаю их. Ваше решение разумно.

— Правда? — Альдрик облегчённо вздохнул. — Я боялся, что вы огорчитесь или обидитесь.

— Нет, что вы, — Паша улыбнулся, слабо, но искренне. — Я желаю добра своей семье. Если это лучше для всех... то я принимаю это с пониманием.

Граф внимательно посмотрел на неё, пытаясь прочесть скрытые мысли. Затем кивнул, удовлетворённый ответом.

— Благодарю за мудрость, Елена. Я знал, что вы не под-

даётся эмоциям.

Карета свернула на широкую дорогу, ведущую к замку. Впереди уже виднелись высокие башни, зубчатые стены и развевающиеся флаги. Солнце золотило каменные стены и играло бликами на окнах

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.